

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

**ТЁМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
В ЛУЧАХ ЗАКАТА**

Смотри
фильм —
читай
книгу!

Александра Бракен
Темные отражения.
В лучах заката

Серия «Темные отражения», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/40496891>

А. Бракен. Темные отражения. В лучах заката: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-110127-5

Аннотация

<rp>Неизвестный вирус поразил детей и подростков. В живых остался только каждый десятый. Но кто они теперь – изгои, запертые в лагерях? Все еще люди? Или мутанты, наделенные сверхспособностями?**</rp>** **<rp>**Руби не мечтала о суперспособностях, но теперь они у нее есть. И каждый день с их помощью она спасает других и выживает сама. Рискуя жизнью, Руби отправляется на поиски информации о страшной эпидемии, которая сломала жизнь миллионам людей и расколола страну на два лагеря. Пережив в Нью-Йорке атаку правительственных войск, Руби и группа сопротивленцев продолжают борьбу. По всей стране тысячи детей с необычными способностями томятся в заточении. Они должны обрести свободу. Руби сделает всё, чтобы помочь тем, кого любит.**</rp>**

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	50
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александра Бракен

Темные отражения.

В лучах заката

Alexandra Bracken

In the Afterlight

© Alexandra Bracken, 2014

© М. Карманова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Меррили, Эмили и множеству других людей – где бы они ни находились, которые без устали трудились для того, чтобы эти книги попали к вам.

С любовью и благодарностью.

*В юности наши сердца опалил огонь.
– Оливер Уэнделл Холмс (младший)¹*

¹ Холмс О. У.-младший (1841–1935) – известный американский юрист США, участник Гражданской войны. Известен своими яркими и афористичными высказываниями.

Пролог

ЧЕРНЫЙ – это цвет, которого нет.

Черный – это цвет тихой, опустевшей детской спальни. Это самый тяжелый час ночи, когда, задыхаясь от очередного кошмара, ты вздрагиваешь в своей постели. Это форма, натянувшаяся на широких плечах сердитого парня. Черный – это грязь, глаза, лишённые век, что следят за каждым твоим вздохом, это низкая вибрация заграждения – устремленное вверх, оно пронзает небо.

Это дорога. Забытая ночная синева, расколота затухающими звездами.

Это ствол нового пистолета, нацеленный тебе в сердце.

Цвет волос Толстяка, синяков Лиама, глаз Зу.

Черный – это обещание завтрашнего дня, обескровленное ложью и ненавистью.

Предательство.

Я вижу его в отражении разбитого компаса и цепенею от горя, которое не дает дышать.

Я бегу, но это моя тень. Она гонится за мной, пожирая и отравляя. Это кнопка, которую никогда не должны были нажать, дверь, которую никогда не должны были открыть, засохшая кровь, которую невозможно смыть. Это обугленные руины. Машина, спрятанная в лесу в надежде на спасение. Это дым.

Это огонь.

Искра.

Черный – это цвет памяти.

Это наш цвет.

Это цвет нашей история, если кто-то захочет ее рассказать.

Глава первая

Чем дальше я удалялась от центра города, тем длиннее становились тени. Мой путь лежал на запад, навстречу заходящему солнцу, которое словно сжигало остаток дня. Именно за это я ненавижу зиму – кажется, будто ночь наступает все раньше и раньше, поглощая свет. Выпачканное смогом небо Лос-Анджелеса было покрыто мазками темно-фиолетового и пепельно-серого.

В других обстоятельствах, пробираясь в наше новое укрытие через несложную геометрию улиц, я была бы благодарна за дополнительное прикрытие. Однако обратившиеся в руины дома – последствия недавней бомбардировки, огороженные территории лагерей и военные посты, груды поджаренных электромагнитным импульсом, теперь бесполезных, брошенных машин основательно изменили облик города. И достаточно было углубиться в эти развалины метров на триста, чтобы окончательно заблудиться. Световой шум, порожденный агрессивной иллюминацией мегаполиса, теперь исчез. И во время ночных вылазок нам приходилось ориентироваться на далекие огни военных конвоев.

Я быстро просканировала взглядом пространство вокруг, одновременно проверяя карман куртки: убедиться, что фонарь и табельный пистолет на месте. И за то, и за другое я была обязана рядовой Моралес, хотя использовать трофеи

можно было только в случае крайней необходимости. Я никому не позволю выследить меня – заметить, как я бегу в темноте. Я обязана вернуться на базу.

Час назад рядовой Моралес не повезло – отправившись в одиночку патрулировать автостраду, она попалась мне на пути. Еще только всходило солнце, а я уже укрылась за перевернутой машиной, наблюдая, как вспыхивает, словно электрическая дуга, залитая непрерывным потоком искусственного света эстакада. Я считала, сколько крошечных фигурок в униформе каждый час проходят по ближайшему ко мне участку, пробираясь туда и обратно между грузовиками и армейскими джипами – в качестве дополнительного барьера машины были припаркованы бампер к бамперу. У меня сводило мышцы, но я боролась с желанием переместиться в другое место.

Мучения оказались не напрасными. Один солдат – и я получила все необходимое для того, чтобы невредимой вернуться на базу. Но, главное, что теперь я знала, как мы можем наконец-то *–наконец-то* — убраться к черту из этого проклятого города.

Прежде чем перебраться через кучу кирпичей, которая когда-то была фасадом отделения банка, я пару раз оглянулась и, стиснув зубы, зашипела от боли, оцарапав ладонь о какой-то острый обломок. Я раздраженно отшвырнула этот предмет – металлическую букву «К», отвалившуюся от вывески – и тут же пожалела об этом. Лязг и скрежет эхом от-

разились от ближайших зданий, почти заглушив еле слышные голоса и осторожные шаги.

Я бросилась вглубь того, что еще осталось от операционного зала, и прижалась к земле, скорчившись за ближайшей стеной.

– Чисто!

– Чисто...

Осторожно высунувшись, я увидела на другой стороне улицы солдат и насчитала двенадцать шлемов. Военные рассыпались в разные стороны, распахивая каждую дверь с выбитыми стеклами, проверяя офисные здания и магазины. *Укрытие?* Я осмотрелась по сторонам и, быстро оценив перевернутую, обгорелую мебель, рванулась к письменному столу из темного дерева и скользнула под него. Скрежет обломков, раздавшийся снаружи, заглушил мое собственное неровное дыхание.

Мои ноздри горели от едкого дыма, запаха обугленной плоти и бензиновой вони, но я не двигалась, прислушиваясь к голосам, пока они не стихли. Оставаясь настороже, я выбралась из-за стола и, не разгибаясь, передвинулась к выходу. Патрульный отряд был по-прежнему в поле моего зрения: они все еще проверяли развалины зданий на нашей улице, но я уже не могла ждать – ни минутой дольше.

Когда я погрузилась в память женщины-солдата и склеила воедино нужные кусочки информации, то почувствовала, будто у меня с души наконец свалился огромный бетонный

блок. Она показала уязвимые места в оборонительных сооружениях вдоль автострады так четко, будто отметила их на карте толстыми черными штрихами. После этого мне осталось только стереть себя из ее памяти.

Я знала, что бывшие агенты Детской лиги придут в бешенство от того, что мое участие действительно сработало. Их собственные операции заканчивались неудачами, количество еды, которую им удавалось доставать, постоянно уменьшалось. Все это время Коул упорно убеждал их отпустить в город меня, чтобы я тоже попыталась. Разрешение было получено, но при условии, что я пойду одна – чтобы больше никого не поймали. Мы уже потеряли двух агентов, которые, отправившись в город, где-то прокололись.

Я всегда была предельно осторожной, но *я начинала* впадать в отчаяние. Настало время действовать, или военные возьмут нас измором.

Армия США и Национальная гвардия создали непреодолимую преграду вокруг делового центра Лос-Анджелеса, используя развитую систему автострад. Эти извивающиеся бетонные монстры стянули внутреннюю часть города тугим кольцом и душили нас, отрезав от остального мира. Трасса 101 блокировала путь с севера и с востока, магистраль I-10 – с юга, а шоссе 110 – с запада. Возможно, у нас был шанс ускользнуть, если бы мы ушли сразу, как только выбрались на поверхность из-под обломков нашей штаб-квартиры. Но... Вспоминая об этом, Толстяк всегда говорил, что

мы были *контужены*. Удивительно, что кто-то вообще был способен двигаться, добавлял он в заключение.

Я должна была это сделать. Я должна была заставить нас идти вперед, снова собрав воедино. Должна, если бы перед глазами не возникало его лицо, навсегда оставшееся в темноте. Я прижала ладонь внешней стороной к глазам, борясь с приступом тошноты и с острой болью, пронзившей голову. *Подумай о чем-нибудь еще. О чем угодно.* Эти головные боли были невыносимы – намного хуже, чем те, которыми обычно заканчивались мои попытки управлять своими способностями.

Останавливаться нельзя. Не обращая внимания на распухшие ноги, я пустилась бежать. От учащенного дыхания болело горло, усталые веки наливались свинцом, но адреналин заставлял меня двигаться вперед, хотя временами казалось, что я вот-вот упаду и отключусь. Я не могла вспомнить, когда последний раз мне удавалось уснуть глубоким, крепким сном, чтобы позабыть о кошмаре, который поджидал нас наяву.

На дорогах пузырился растрескавшийся асфальт, грозились кучи цементной крошки, которую солдатам еще предстояло расчистить. Тут и там глаз выхватывал яркие цветные пятна: красные туфли на высоком каблуке, сумочка, чей-то велосипед – все брошенное и забытое. Еще какие-то почерневшие и обгоревшие предметы вышвырнуло взрывом из окон соседних домов. Пустынная картина разрушения вы-

зывала тошноту.

Перебегая через следующий перекресток, я мельком бросила взгляд вдоль Олив-стрит. Мое внимание привлекло сияющее светлое пятно на Першинг-сквер, в трех кварталах отсюда. На месте парка был разбит лагерь для интернированных лиц, который поспешно соорудили здесь, хотя руины зданий еще тлели. В нем оказались те, кто, к своему несчастью, работал неподалеку, когда президент Грей отдал приказ нанести удар по Детской лиге и по Федеральной коалиции – небольшой группе объединившихся против него бывших государственных деятелей. Считалось, что так он решил ответить на недавнюю попытку покушения, в котором были замешаны одна или обе упомянутые группы. Мы следили за каждым из таких лагерей, рассчитывая найти Кейт и тех, кто ушел вместе с ней. И мы видели, как множится количество задержанных – обычных гражданских лиц, которых удерживали там против их воли.

Но Кейт не было нигде. Если ей и агентам, покинувшем перед атакой Штаб, не удалось выбраться из города, они прятались так хорошо, что даже мы не могли их обнаружить, хотя использовали экстренные протоколы связи.

Еще один немногочисленный военный конвой – гул радиостанций и рев шин – обнаружился совсем рядом – за два квартала. Поглотив разочарованный вдох, я спряталась за кузовом внедорожника, выжидая, пока солдаты не пройдут мимо – их сапоги поднимали в воздух облачка бледно-серой

пыли. После чего, выбравшись из укрытия, я снова перешла на бег.

Мы – Лига или то, что от нее осталось – каждые несколько дней перемещались на новое место, никогда не задерживаясь на одном складе надолго. Когда мы совершали вылазки в поисках еды или воды или отправлялись наблюдать за лагерями военнопленных, при малейшем намеке на то, что кто-то мог сесть нам на хвост, мы уходили. И, конечно, это было правильно. Но я поймала себя на том, что не помню, в каком месте сейчас обосновалась наша группа.

Когда я наконец добралась до восточной части города, здесь стояла такая тишина, что это безмолвие действовало на нервы сильнее, чем симфония пулеметного огня и звуков перезаряжаемого оружия, которая наполняла воздух вблизи Першинг-сквер. Я крепко сжала в руках фонарик, но все равно не могла заставить себя его включить – даже когда врезалась локтем в оштукатуренную стену. Я взглянула на небо: новолуние. Конечно.

Тревожное предчувствие, то самое, которое уже не первую неделю поселилось у меня на плече, нашептывая на ухо темные мысли, теперь превратилось в клинок, пылавший в моей груди. Медленно погружаясь в мою плоть, он разрывал ее на части. Я откашлялась, пытаясь очистить легкие от отравленного воздуха. Выбежав на очередной перекресток, я заставила себя остановиться и забилась в нишу в стене – туда, где раньше стоял банкомат.

«Глубоко вдохни, — приказала я себе. — По-настоящему глубоко». Я попыталась встряхнуть кистями рук, чтобы сбросить напряжение, но ощущение опасности никуда не делось. Закрыв глаза, я слышала, как где-то вдалеке стремительно рассекает воздух вертолет. Какое-то шестое чувство — чутье, которое изводило и не давало успокоиться — подталкивало меня свернуть на Бэй-стрит, а не продолжать идти по Аламеда-стрит до перекрестка с Севенс-стрит. Последний маршрут позволял быстрее добраться до нашей нынешней базы, расположенной между Джесс-стрит и Санта-Фе-авеню, чтобы как можно быстрее передать остальным информацию, выработать план и *убраться отсюда*.

Но если кто-то следил за мной и шел по моим следам, я смогу избавиться от них на Севенс-стрит. Мои ноги сами решились за меня и понесли на восток, по направлению к реке Лос-Анджелес.

Через полтора квартала изнурительного бега я заметила тени, которые двигались по Матео-стрит в направлении к Севенс-стрит. Я резко остановилась, выбросив руки вперед, чтобы схватиться за почтовый ящик, чтобы не позволить инерции вынести меня на середину улицы.

Я резко выдохнула. *Слишком близко*. Вот что происходит, когда забываешь притормозить и убедиться, что улица действительно безопасна. Я потеряла виски, ощутив, как в них бьется мой бешеный пульс. По лбу растекалось что-то теплое и липкое, но сейчас было не до таких мелочей.

Пригнувшись как можно ниже, я двинулась дальше, стараясь понять, куда направляются эти солдаты. Они подошли слишком близко к нашей базе. Но если я смогу сбить их со следа, то, возможно, мне даже удастся их опередить. И, вернувшись в укрытие, я успею предупредить остальных, чтобы сматывались.

Но солдаты вдруг... остановились.

Дойдя до угла перекрестка, они подошли к разбитому фасаду бывшего магазина – похоже, когда-то в нем продавали товары для дома, – переступили через разбитые витрины и вошли в помещение. Я услышала смех, голоса... И кровь застыла у меня в жилах.

Это были не солдаты.

Я подкралась к магазину, в темноте провела рукой по стене, пока не нащупала оконный проем, и присела рядом.

– ...где ты это нашел?

– ...Отличная штука, приятель!

Снова смех.

– Боже, никогда не думал, что буду так чертовски рад увидеть бублики.

Я заглянула в окно. Трое наших агентов – Фергюсон, Гейтс и Сэн – сидели на корточках, а перед ними лежала небольшая кучка продуктов. Гейтс, бывший спецназовец, с такой силой рванул пакет с картофельными чипсами, что чуть не порвал его пополам.

У них есть еда. У меня это в голове не укладывалось. Они

ее едят там. Я просто не могла в это поверить. Я была настолько ошарашена увиденным, что пришлось переваривать по одной мысли за раз.

Они не собираются приносить еду остальным.

Неужели то же самое происходило всякий раз, когда агенты устраивали очередную вылазку? Они были так убедительны, настаивая на том, что сами должны отправляться за припасами. Себе я объясняла это страхом: если кого-то из детей схватят, пленный обязательно выдаст нынешнее местоположение группы. Но может, настоящая причина была в другом? Может, они хотели забрать все лучшее из того, что найдут?

От охватившей меня холодной, ледяной ярости пальцы скрючились, как когти. Обломанные ногти впились в ладони – к тошнотворному чувству добавилась вспышка боли.

– Боже, это великолепно, – протянула Сэн.

Это была здоровенная тетка – высокая, с накачанными мышцами, туго обтянутыми упругой, плотной кожей. На ее лице всегда было такое выражение, будто... будто она знала больше других, все самые страшные секреты, потому что сама была их частью. Если она и снисходила до разговора с кем-то из нас, детей, то, в основном, чтобы, рывкнув, приказывать нам заткнуться.

В наступившей тишине я ждала продолжения, и с каждой секундой во мне разгорался гнев.

– Нам нужно возвращаться, – проговорил Фергюсон, приготовившись подняться на ноги.

– Все в порядке. Даже если Стюарт попытается что-то сделать, там есть Рейнолдс, который позаботится о том, чтоб он больше не вякал.

– Я больше беспокоюсь о...

– Пиявке? – подхватил Гейтс, утробно захохотав. – Ею мы займемся потом. Если она вообще вернется.

Это заставило меня поднять брови. *Пиявкой* только что называли меня. Это было нечто новое. Мне давали прозвища и похуже, но сейчас меня оскорбило предположение, что я не смогу пробраться туда и обратно, не будучи пойманной.

– Она намного ценнее других, – возразил Фергюсон. – Это только вопрос...

– Это вообще не вопрос. Она не подчиняется нам, а значит, она – помеха.

Помеха. Я прижала кулак ко рту, чтобы справиться с гневом. Я знала, как Лига обходилась с «помехами». И я знала, как *я сама* обошлась бы с агентом, который рискнет.

Сэн откинулась назад, опираясь руками о пол.

– Так или иначе, план остается прежним.

– Хорошо. – Гейтс смял пакет от чипсов, которые только что сожрал. – Сколько из этого отнесем им? Я бы не отказался от еще одного бублика...

Пачка соленой соломки и пакет с булочками для хот-догов. Вот что они собирались принести семнадцати детям и тем агентам, которые вынуждены были работать няньками, пока остальные отправлялись на разведку и за едой.

Увидев, что эти трое собираются встать, я вжалась в стену, ожидая, пока агенты перешагнут через витринное окно и дойдут до перекрестка. Сжимая кулаки, я двинулась следом за ними, держась на значительном расстоянии, пока перед нами наконец не замаячило здание склада.

Собираясь перейти последнюю улицу, Сэн подняла зажигалку над головой – так, чтобы пламя мог увидеть агент, дежуривший на крыше. В ответ послышался тихий свист: путь свободен.

Я побежала, нагнав Сэн, которая уже стояла у пожарной лестницы, собираясь последовать за остальными.

– Агент Сэн! – хрипло прошептала я.

Женщина резко обернулась. Одной рукой она ухватилась за перила, другая дернулась к кобуре с пистолетом. И только сейчас до меня дошло: пока я шла за ними, все это время моя рука тоже сжимала пистолет в кармане куртки.

– Что?! – бросила она, махнув Гейтсу и Фергюсону, чтобы те поднимались дальше.

Не рада меня видеть, да?

– Мне нужно кое-что вам сообщить... Это... – Я надеялась, что Сэн примет дрожь в моем голосе за страх, а не за еле сдерживаемый гнев. – Я не могу доверять такую информацию Коулу.

Ага попалась! Ее зубы сверкнули в темноте.

– И что же это за сведения? – спросила агент.

И тогда я тоже улыбнулась. А потом вломилась в ее со-

знание, и мне было наплевать, если оно распадется на части. Я прорывалась сквозь воспоминания о койках, тренировках, штаб-квартире, агентах, отбрасывая ненужные картинки быстрее, чем они успевали сформироваться в моем восприятии. Я чувствовала, как женщина дрожит под натиском моей атаки.

Выхватив один из образов, я сразу поняла, что нашла! Сэн представляла это так ярко, продумав настолько отвратительно хорошо, что даже я недооценивала, на что она была способна. Все в этой идее фальшиво блестело, как разогретый воск. В поле зрения возникали машины, а в лицах, наполовину скрытых кляпом, я узнавала детей, что ждали нас наверху. Военная форма цвета хаки. Черная форма. Сделка.

Вынырнув на поверхность, я задыхалась, хватая воздух, а легким не хватало кислорода. Меняхватило на то, чтобы изменить ее память, и подложить фальшивое воспоминание о том, что произошло за последние минуты. Я не стала ждать, пока женщина придет в себя, и, оттолкнув ее, начала карабкаться по лестнице.

«Коул! – Мысли путались, и у меня темнело в глазах. – Мне нужно рассказать Коулу».

И убраться подальше от агента Сэн прежде, чем я поддамся пугающему искушению всадить в нее пулю прямо здесь и сейчас.

Потому что таким, как она, было мало воровать еду и угрожать нас бросить, если мы не будем вести себя тише,

двигаться быстрее, *успевать* за остальными. Сэн хотела разделаться с нами раз и навсегда – передать той единственной группировке, которая, как она думала, сможет действительно нас контролировать.

А на полученное вознаграждение она планировала нанести новый удар.

Глава вторая

Когда я наконец оказалась на втором этаже склада, у меня все полыхало в груди, а сознание погрузилось в мешанину темных мыслей и ужаса. Сэн поднималась следом за мной, и пожарная лестница с грохотом затряслась, а я не успела быстро нырнуть в окно. Слегка отодвинув черную форменную куртку, которую на него повесили, чтобы тусклое освещение не заметили с улицы, я перекинула ноги через подоконник и спрыгнула внутрь.

Темноту пространства разбивали островки неровного пламени свечей. И мои глаза в панике заматались между ними. Мне показалось, что все дети столпились в дальнем углу комнаты – будто Гейтс и Фергюсон приказали им собраться там в обмен на еду.

«*Коула нет*, – подумала я, нервно вцепившись руками в волосы. – *Вот черт*». Он был мне нужен. Он должен это знать – нам нужно придумать, что же теперь делать.

– Даже маленькая благодарность дорогого стоит, – усмехнулся Гейтс.

Его слова словно разрушили оцепенение, в которое до этого была погружена притихшая комната. Сразу же зазвучали голоса, торопливо и еле слышно произносившие «спасибо», а потом дети вернулись на свои места. Они не смели поднять глаз, лишь изредка поглядывая друг на друга. Те-

перь я так ясно увидела то, чего мне не хотелось признавать раньше. Мы провели месяцы – даже годы, тренируясь вместе с агентами и сражаясь с ними бок о бок. Но в ту секунду, когда они убедили себя, что мы – лишь чеки, которые нужно обналичить, ничто из этого больше не имело значения.

Я выхватила из мрака три лица, которые высматривала с самого начала. Темно-бронзовую кожу Вайды, которая тоже вернулась с вылазки, украшал неприятного вида порез, а Толстяк пытался его забинтовать. Рядом с ним лежал черный рюкзак. Я с облегчением выдохнула, но тут же прикусила губу, чтобы по моему лицу никто ничего не заметил. В рюкзаке лежали материалы исследования, которые я спасла, когда Клэнси пытался их сжечь. Листки с таблицами, графиками и всякой медицинской мутью – все, что собрала его мать в поисках лекарства от ОЮИН.

– Бабуля, клянусь богом, если ты не прекратишь меня доставать... – прошипела Вайда.

– Дай мне просто продезинфицировать! – спорил с ней Толстяк.

Лиам сидел, прислонившись к стене, согнув ноги и положив на колени руки. И он то и дело мрачно косился на Гейтса. Это суровое выражение застыло на его лице с того дня, когда Штаб Лиги подвергся атаке. Парень не стал тянуться за едой и, получив свою порцию, отдал ее Толстяку.

Агенты выдадут и его тоже. Что, если бы сегодня я не заметила этих агентов, а потом не остановилась и не услы-

шала, о чем говорили Сэн и остальные? Они собирались водить нас за нос и дальше и через несколько дней провернуть сделку. И я бы уже ничего не смогла сделать. Но почему я вообще решила, что могу защитить всех? Я не смогла спасти даже *одного* тогда, когда это было важнее всего. *Джуд...*

Проходя мимо, Сэн толкнула меня в плечо, а я и не почувствовала...

Я понимала, где нахожусь, но что толку, потому что прямо сейчас я снова оказалась в тоннеле, вслепую пробираясь через обрушившиеся стены, которые грозили нас раздавить. Меня преследовали звуки далеких криков, паника в невидящих глазах и скрежет трескавшегося бетона. Я слышала, как осыпается земля, обволакивая все вокруг удушливым облаком. Я зажмурилась, но передо мной возникло веснушчатое лицо Джуда. Его светло-карие глаза широко распахнулись, когда он увидел, что подошла к концу его собственная жизнь. Картины недавних событий проплывали передо мной, и ничто не могло остановить этот поток. И не было ни одного хорошего воспоминания, которое оказалось бы достаточно сильным, чтобы все это стереть. То, что продолжало жить в моем воображении. То, как Джуд навсегда исчез в темноте.

Я все еще была там, отрезанная от реального мира. В моем теле гудел каждый нерв, словно перед решающим броском. Давление внутри меня нарастало и грозило разнести в клочья все мои попытки удерживать себя под контролем. И осо-

знание того, что этот взрыв произойдет на глазах у остальных, отнимало последние силы.

Прикосновение к моему запястью было таким осторожным, что я не сразу его почувствовала, но достаточно настойчивым, чтобы развернуть меня к двери, и достаточно крепким, чтобы меня удержать, когда я на подгибающихся ногах сделала этот первый шаг.

Я вышла из комнаты, стены которой, казалось, сжимались вокруг меня, в такой же темный коридор. Здесь было гораздо холоднее, и мне больше не казалось, что от огня, текущего в моих венах, кожа моя сейчас пойдет пузырями. Отойдя от двери так, чтобы меня не было видно из комнаты, я опустилась на пол, уткнувшись лбом в согнутые колени. Знакомые руки сняли с меня куртку и убрали с затылка промокшие от пота волосы.

– Все нормально, милая, – произнес голос Лиамы. Что-то ледяное коснулось моей шеи – может, бутылка с водой. – Просто дыши глубже.

– Я... не могу... – выговорила я между судорожными вдохами.

– Конечно, можешь, – спокойно сказал он.

– Мне нужно... – Мои руки метнулись к шее в попытке разорвать невидимую веревку, стянувшую горло.

Поймав мои ладони, Лиям прижал их к своей груди.

– Сейчас ничего не нужно, – мягко проговорил он. – Отдохни. Все в порядке.

«Ты даже не представляешь, насколько это не так», — хотелось ответить мне. Острая боль прошла мой правый висок, и с каждой секундой там пульсировало все сильнее.

Но возможность касаться его дарила облечение. Я заставляла себя дышать в том же ритме, в каком поднималась и опускалась его грудь. Прохладный воздух помог мне постепенно разобраться в бардаке, который творился у меня в голове, а во лбу нарывом пульсировала пылающая точка. Давление ослабило свою хватку настолько, что я смогла распрямиться и откинуться на стену.

Лиам по-прежнему сидел передо мной на корточках, его голубые глаза пристально вглядывались в мое лицо. Складка между бровей разгладилась, и он сам тихонько выдохнул. Парень взял бутылку и смочил водой бандану, которую вытащил из заднего кармана. Медленно и нежно он стер кровь и грязь с моих рук и лица.

— Лучше?

Я кивнула и, забрав у него бутылку, отпила глоток воды.

— Что случилось? — спросил он.

— Я просто...

Я не могла ему сказать. Они с Толстяком уже не один день планировали, как нам сбежать, когда придет время покидать город. Лиаму была чужда ненависть, однако агентов он ненавидел всей душой. И если я проговорюсь, Лиам попытается убедить нас уйти сегодня ночью. Или, что еще хуже, он может случайно выдать себя агентам. Лиам никогда не умел

скрывать свои чувства так, как это делал Коул. Они смогут прочесть их легко, как газету, и также быстро избавятся от парня, чтобы он не предупредил остальных.

– Просто... просто... на меня слишком много навалилось.

– И такое часто происходит? – Лиам уселся напротив меня, скрестив ноги.

Господи. Об этих приступах я тоже не хотела говорить. Не могла, даже с ним. Тогда мне пришлось бы говорить о Джуде, о том, что случилось, и еще о многом, о чем мы так и не успели объясниться, а потом все полетело в тартарары. По крайней мере, мне казалось, что он это понимает.

– Тебя весь день не было, – сказал Лиам. – Я начал беспокоиться.

– Не сразу удалось найти того, кто мог бы оказаться полезным, – ответила я. – Так что я не просто болталась по городу.

– А я этого и не говорил, – отозвался Лиам. – Мне просто хочется, чтобы ты предупреждала, когда уходишь...

– Я не думала, что обязана это делать.

– Ты *необязана*. Я тебе не надзиратель. Я просто испугался, ясно?

В ответ я промолчала. Вот что происходило в последнее время между нами. Мы были вместе, но не так, как это было важным для меня – не так, как это ощущалось буквально несколько месяцев назад. Я предала Лиаму. Кто знает, станет ли у нас когда-нибудь все снова как прежде. И пусть это не помогало, но единственным способом справиться с новой

реальностью, была попытка скрыть то, что происходило сейчас во мне, не позволить чувству вины вырваться наружу и разрушить кого-то еще. Поэтому я тщательно отгораживалась от Лиамы невидимой стеной, выстраивая ее кирпичик за кирпичиком, даже когда я обнимала его, держала его за руку, целовала.

Это было эгоистично, и я это понимала – брать так много и не давать ничего взамен... Но он был нужен мне здесь. Мне нужно было чувствовать, что он прикрывает мою спину, что он на моей стороне. Мне нужно было видеть его лицо и слышать его голос, и знать, что он в безопасности и я могу его защитить. Только это давало мне силы прожить очередной день.

Но рядом с Лиамом было невозможно сдерживаться и мыслить логично, расставляя приоритеты. Он умел говорить и знал силу слов. Он чувствовал и понимал все глубже всех, кого я знала. Уже несколько дней он пытался заговорить со мной об этом. *Ты не виновата в том, что случилось с Джусдом. И в том, что случилось в нашем убежище...*

– Руби, серьезно, что случилось? – спросил он, осторожно взяв меня за запястья.

– Прости, – прошептала я. А что еще я могла сказать? – Прости меня... Я не хотела быть такой... я не хотела на тебя набрасываться. Ничего такого не случилось. Конечно, я должна была тебе сказать, что ухожу, но мне пришлось делать это в спешке.

А еще я знала: ты попытаешься убедить меня, что это слишком опасно, и не хотела спорить.

– Но теперь у нас есть информация. Я знаю, как нам выбраться отсюда.

Губы Лиамы сжались в тонкую линию, когда он изучающе посмотрел на меня. Похоже, этот ответ его не удовлетворил, но парень так хотел поговорить о другом, что не стал допытываться.

– Значит, мы наконец-то можем обсудить, что делаем дальше?

– Коул не хочет нас отпускать.

Особенно тебя.

– Мы можем найти моих родителей...

– Но ведь колесить по округе в поисках твоей мамы и Гарри так же опасно, как оставаться здесь с остальными? – спросила я. – Это наше сражение... То, к чему мы все это время стремились, помнишь? И Коул пообещал мне, что сейчас мы действительно постараемся помочь детям – попытаемся вытащить их из лагерей.

По крайней мере, именно об этом мы мечтали, когда находились в Ист-Ривере. Тогда именно Лиам стал вдохновителем этого плана: найти способ и выволить детей из реабилитационной программы. Я наивно надеялась, что все, что случилось потом, не убило его мечту. Но когда я произносила последние слова, взгляд Лиамы метнулся в сторону двери в самом конце коридора. Там, за этой дверью, скрывался

монстр, и входить к нему было разрешено только мне и Коулу.

– Да, сейчас Коул так говорит, и, быть может, агенты пока на нашей стороне, – парировал Лиам. – Но сколько так будет продолжаться, пока они не вспомнят о своем собственном интересе?

Я попыталась сохранить невозмутимый вид. *Они уже о нем вспомнили.*

– Это больше не Лига.

– Именно. И дела могут пойти совсем плохо.

– Только если мы не попытаемся этому помешать, – сказала я. – Может, хотя бы выждем немного? Посмотрим, что будет дальше? Если все полетит к чертям, мы сбежим, обещаю. По крайней мере... Я должна понять, спаслись ли Кейт и те, кто ушел с ней. Если да, они будут нас ждать. У нее же флешка с исследованиями корпорации «Леда», связанными с ОЮИН. Если мы сможем собрать эти сведения воедино и узнаем о лекарстве – мы не только поможем самим себе – мы поможем *всем* детям, которые будут после нас.

Лиам покачал головой.

– Я не хочу сказать, что ты рисковала напрасно. Но что, если на страницах, которые ты вытащила из огня, нет ничего полезного? И пусть даже эти сведения невероятно важны, но есть они или нет, в нашей жизни все останется по-прежнему. Я не хочу, чтобы мы просто... постоянно думали об этих листках в надежде, что однажды, когда-то потом, от них что-

то будет зависеть.

Умом я понимала, что Лиам был во всем прав, но эти слова пробудили во мне такое яростное отрицание и такой сильный гнев, что я едва не оттолкнула его. Сейчас я не хотела смотреть в лицо реальности. Мне нужна была надежда, что взглянув на обгоревшие страницы, я когда-то увижу в них нечто большее, чем знакомые слова: «Проект «Снегопад». ОЮИН. Профессор».

И если я откажусь от этой последней крупички надежды, значит, те несколько секунд, когда я взяла верх над Клэнси, не означали победу. Пусть даже она продлилась всего-то мгновение. Это будет означать, что, в конце концов, выиграл он. Оставленный умирать, он смог выжить, а информация, которую он так упорно пытался уничтожить, оказалась бесполезной.

Нам было это нужно. *Мне* было это нужно. Перед мои глазами встали лица моих родителей – их скрывала тень. Картинка исчезла, и на смену ей пришла другая: Сэм, ее лицо тоже в тени. В боксе № 27 всегда царил полумрак, и казалось, что щеки ее совсем ввалились. Секунда, и она растаяла в воздухе, словно призрак. Новые лица потянулись передо мной бесконечной вереницей – лица тех, кого я оставила за электрическим ограждением в Термонде.

Мои пальцы с такой силой вонзились в колени, что ногти почти продырявили ткань. Печальная правда – и неважно, насколько упорно я отказывалась это признавать – заключа-

лась в том, что в этих записях отсутствовало ключевое звено. И единственным человеком, владевшим этой информацией, была мать Клэнси, Лилиан Грей – и Клэнси позаботился, чтобы мы ее никогда не нашли.

– Я не сдаюсь, – жестко сказал Лиам. – Если это не работает, мы придумаем то, что работает обязательно.

Я потянулась, чтобы провести пальцами по его щеке, погладить отросшую короткую щетину. Он вздохнул, но не отодвинулся.

– Я не хочу спорить, – тихо сказала я. – Я никогда не хотела спорить с тобой.

– Так и не надо. Все же просто, дорогая. – Лиам прижался своим лбом к моему. – Но нам нужно принимать такие решения вместе. О всяких важных вещах. Пообещай мне.

– Обещаю, – прошептала я. – Но мы должны добраться до Ранчо. Нам обязательно нужно туда попасть.

До того, как построили Штаб, Лига размещалась в Северной Калифорнии, на базе, которой, явно с любовью, придумали кодовое имя «Ранчо». Теперь это место тщательно охранялось в соответствии со своим статусом – это была база «последней надежды», куда можно было отступить в самом крайнем случае. Только старшие агенты, включая Коула, начинали там и знали, как ее найти.

Если Кейт удалось выбраться, она будет ждать нас на Ранчо. Я представляла, как она идет по пустому коридору, словно ожидая, что в любой момент любая из дверей откроется,

а из нее покажется кто-то из нас. Кейт бы не стала нарушать инструкции. Сейчас она, наверное, с ума сходит от беспокойства.

В сознание просочилась одна мысль, вытеснившая все иные, внушавшие надежду. *Мне нужно будет сказать ей.*

Ну почему я не подумала об этом? Она же не знает – откуда ей было узнать. *Она доверяла мне. Она просила меня позаботиться о нем.* Она не догадывается, что Джуд...

Я закрыла глаза, сосредоточившись на том, что Лиам мягко гладит меня по спине и как его рука двигается вверх-вниз.

– ...какого *черта*? – из комнаты донесся резкий голос Сэн, и наше уединение мгновенно было разрушено. – Стюарт, ты совершил немало идиотской хрени – и я имею в виду *действительно много* – но это, это...

– Просто гениально? – подсказал Коул, и я почти услышала улыбку в его голосе. – Не стоит благодарности.

Я быстро оказалась на ногах, запоздало поймав раздраженный взгляд Лиама.

– Пойдем, – поторопила его я. – Что-то происходит.

– Ну да, ну да, – буркнул парень, и я ощутила его руку у себя на поясице. – А разве бывает, чтобы с ним ничего не происходило?

Агенты так тесно столпились у окна, что поверх их голов мне была видна только черная вязаная шапка Коула. Найдя глазами детей, я обнаружила, что почти все они повскакали с пола и обратились в слух.

– Ру?

Услышав этот голос, я застыла, а внутри у меня все сжалось. Я повернулась к Нико.

– Да?

– Тут все... – Мальчишка кивнул в сторону агентов. – Тут все в порядке?

– А ты как думаешь?! – отрезала я.

Нико вздрогнул, точно я его ударила, и почему-то это разозлило меня еще сильнее. Однако во мне не осталось сочувствия. К печальному, перепуганному предателю Нико.

С тех пор, как стало понятно, что никакие электронные устройства восстановить не удастся и двое Желтых, что у нас остались, не смогут их запустить, Зеленые не знали, чем себя занять. Большую часть времени Нико спал. А когда бодрствовал, признавал только меня и Вайду, изредка перекидываясь с нами парой слов.

Раньше я жалела его, зная как Клэнси им воспользовался. Но потом эта жалость полностью улетучилась: если бы Нико не выдал Клэнси информацию о проекте «Снегопад» и местонахождение его матери, если бы он не оказался настолько глуп, чтобы попросить сына президента нас выследить – всего, что случилось, могло бы не произойти. И Джуд был бы жив, и мы бы не оказались в ловушке в той адской дыре, в которую превратился Лос-Анджелес.

– Руби... – начал было Лиам, и в его голосе прозвучало неодобрение.

Мне было все равно. И утешать сейчас Нико я точно не собиралась.

Увидев, как Толстяк и Вайда проталкиваются между агентами, чтобы подойти к нам, я махнула им. Однако Толстяк сразу же набросился на меня:

– Ты в порядке? Тебя ранили?

– Нет, Бабуля, она умирает. Она истекает кровью у твоих ног. – Вайда закатила глаза. – Ты нашла, что хотела?

– Да...

– Прости, что позволил себе выразить беспокойство о *своем друге*, – прорычал Толстяк, резко повернувшись к ней. – Я понимаю, что для психопата это навсегда останется чуждым для понимания...

– Этот психопат спит меньше, чем в метре от тебя, – напомнила ему Вайда своим самым милым и сладким голосом.

– Ого, у нас такие хорошие друзья, – пробормотал себе под нос Лиам.

Но я уже не вслушивалась в их перепалку. Коул посмотрел в нашу сторону, подняв брови в немом вопросе. Я кивнула, и он снова повернулся к той, что стояла у него за спиной.

Это была женщина средних лет с оливково-смуглой кожей. Лицо ее было морщинистым и усталым. Волосы, уложенные в пучок, растрепались и выглядели тускло-серыми. Была ли это седина или просто цементная пыль, которая накрыла город? Юбка когда-то дорогого темно-синего платья разорвалась по шву. Большие темные глаза незнакомки ска-

нировали комнату, чуть дольше задерживаясь на детях.

– Знаете, кто это? – спросил Коул.

– Гражданское лицо, которое теперь может опознать всех нас и выдать военным! – выпалила в ответ Сэн.

– Меня зовут Анабель Круз, – представилась женщина с достоинством, удивительным для человека, ковыляющего на сломанных высоких каблуках.

– Ну вы и бараны, – покачал головой Коул, обнаружив отсутствие какой-либо реакции. – Это сенатор от Калифорнии. Отдел международных связей Федеральной Коалиции. Она налаживала контакты с другими странами и вела переговоры о получении помощи.

Однако Сэн не выглядела впечатленной. Она снова повернулась к Коулу, уперев руки в бока.

– Ты хотя бы потрудился проверить та ли она, за кого себя выдает? Если она связана с ФК, почему ее не отправили в лагерь временного содержания?

– Я могу ответить сама, – вмешалась сенатор Круз, и ее глаза сверкнули. – Когда начался налет, меня не было в штабквартире – я встречалась с «Рупором».

– С подпольным информационным агентством? – уточнил Гейтс.

Лиам озадаченно повернулся ко мне. Стараясь не вдаваться в детали, я тихонько рассказала ему все, что знала. Агентство существовало уже два года, ну, может, три. Кажется, там в основном работали репортеры и редакторы, оказавшиеся в

черном списке Грея за то, что поднимали «опасные» темы. Например, о восстаниях и протестах, из-за чего им потом пришлось скрываться.

Лиам открыл рот, словно собираясь что-то сказать, и глаза его вспыхнули.

– Что, да... – Коул посмотрел на агентов. – Я понимаю, что это в какой-то степени характеризует, насколько здраво она мыслит...

– Простите? – Сенатор скрестила руки на груди.

– Он имеет в виду, что информационные вбросы «Рупора» чаще всего мало кто замечает. Несколько секунд славы, пока Грей в очередной раз не прикроет их деятельность, – сказала Сэн, снисходительно глядя на Анабель Круз. – Они публикуют высосанные из воздуха сенсации на своей интернет-страничке и в социальных сетях, которые еще не заблокировали. У них слишком маленькая аудитория. И вся их деятельность ни черта не стоит.

Очевидно, на этот счет мнение Коула и Сэн совпадали.

– Репортер застрял в городе вместе с ней, – объяснил Коул тем, кто толпился в комнате. – Я проводил обычную разведку местности и услышал, как военные штурмуют здание неподалеку. Они охотились на *него*, а не на нее. Парня застрелили на месте, и, вероятно, поступили бы так же и с ней, если бы Анабель не назвала себя.

– И тут ворвался ты и спас ситуацию? – Сэн пожала плечами. Ненависть, которую я испытывала к этой женщине,

начала одерживать верх над благоразумием и выдержкой. Я произвольно сделала еще шаг вперед. – Итак, все, чего ты добился – притащил сюда лишний рот, который нужно будет прокормить.

– Кстати, об этом. – Коул сбросил с плеча набитый рюкзак и швырнул его одной из Зеленых. – Нашел один фреш-бар, и в его холодильниках кое-что неплохо сохранилось. Не много, но все лучше, чем та дрянь, которую мы ели до сих пор.

Девочка посмотрела на него так, будто он только что протянул ей праздничный торт, который сам испек и покрыл глазурью. Толстяк мгновенно, будто телепортировавшись, оказался у рюкзака и уже расстегивал молнию. Остальные выстроились у него за спиной, благодаря Коула – кто-то попытался передать ему целое яблоко.

– Я не голоден. Но спасибо.

Обернувшись к Сэн, парень все еще улыбался, и его улыбка стала даже шире, хотя Сэн смотрела на него с нескрываемым презрением. Но я видела нечто опасное в его спокойствии, в том, как он наклонил голову. Как спичка, которая только и ждет, чтобы ею чиркнули обо что-то хоть немного шершавое.

– Сэн, я немного удивлен. Я думал, ты будешь в восторге: такой человек присоединился к нашей команде. Как только мы выберемся отсюда, ее поддержка окажется как нельзя кстати. Сенатор поможет нам рассказать всему миру о том, что мы делаем, – наконец сказал Коул. Голос его прозвучал

доброжелательно и непринужденно. – Мы же собираемся начать с чистого листа, разве нет?

Ну да, конечно. Сэн была совершенно не заинтересована в том, чтобы поведать о нас всему миру. Она хотела выжечь до основания все, что имело к нам какое-то отношение. Но все-таки сейчас прозвучал вопрос, который требовал ответа. И еще вызов. Молчание затягивалось, и стало заметно, как, переминаясь с ноги на ногу, переглядываются другие агенты. Некоторые из Зеленых, самые сообразительные, определенно понимали ситуацию лучше, чем те, кто уже списал новый всплеск напряженности на обычные проблемы и недовольство.

Он знает. Внезапно догадалась я. Может, Коулу и не были известны все детали. Но то, что агенты собираются отказаться от своего обещания помочь нам в освобождении пленных, не было для него тайной. Он провоцировал ее, вынуждая признаться в этом в присутствии детей.

– Я буду рада обсудить с вами мои идеи, – произнесла сенатор Круз. – Исходим из того, что у нас есть способ покинуть город?

Внимание всех присутствующих переключилось на меня.

– Да. Как мы и думали, у властей недостаточно людей, чтобы одновременно патрулировать все улицы и охранять многокилометровое шоссе. Военные установили заграждения и прожекторы, но по ночам машины стоят пустыми.

Я подошла к приколотой на стену карте дорог Лос-Андже-

леса, которую мы обнаружили неподалеку в брошенном автомобиле. И показала на три точки, которые увидела в сознании той женщины-солдата. Мой голос звучал уверенно, хотя страшные картины уготованной для нас участи уже заполнили задворки моего сознания. СПП. Вышитые красным буквы «пси». Стяжки-наручники. Кляпы. Деньги. Оружие. Я старалась не смотреть на агентов. Теперь, когда я знала, чего они на самом деле хотят и как собирались отплатить мне за то, что я помогла им убрать свои задницы из этого города, тихий темный голосок в моей голове начал нашептывать мне: «*Соври*». Он подговаривал меня скрыть несколько важных деталей. Чтобы агенты попали в опасную переделку и чтобы им надавали как следует.

– Вот, – сказал Коул, вручая мне ручку. – Сможешь показать?

Гейтс буркнул что-то себе под нос. Повернувшись к нему и скрестив руки на груди, я посмотрела мужчине прямо в глаза. Он тут же отвел взгляд, сделав вид, что вытирает рот и нос о рукав. Вспышка страха, которую я увидела в его лице, придала мне больше уверенности, чем даже ободряющее прикосновение Коула, который встал у меня за спиной, чтобы изучить сделанные мной отметки.

– Уверена, что на самом деле их больше, – добавила я. – Но я увидела только эти.

Коул окинул взглядом комнату, просчитывая в уме, сколько человек будет в каждой группе, если существует только

три потенциальных выхода. Семнадцать детей. Двадцать четыре агента, при том двадцать человек входили в группу, которую подтянули, чтобы освободить Штаб. Их было больше, но одни погибли во время первой атаки, а остальные дезертировали. Получалось восемь групп по пять или около того. Задача была вполне выполнима.

– Мы должны действовать быстро и точно рассчитать время, – вмешалась Сэн. – Возможно, до тех мест, куда не достал электромагнитный импульс, десятки километров. Которые придется пройти пешком.

– Это было отмечено на карте, которую я видела, – сказала я и обвела ручкой новые территории. На западе – Беверли-Хиллз, на востоке – Монтерей-Парк, на севере – Гленд-эйл, на юге – Комптон. Не такое уж гигантское пространство. По крайней мере, я ожидала чего-то большего.

– Сегодня же разделимся на команды, отправляемся через несколько часов. В три или в четыре часа утра.

– Нам нужно подробно обсудить стратегию, – возразил Гейтс. – Собрать припасы.

– Нет, все, что нам нужно – это к черту убраться из этого города, – отрезал Коул. – И как можно быстрее. Остальные ждут нас на Ранчо.

Я сжала его запястье и бросила короткий взгляд в сторону двери.

Парень едва заметно кивнул, а затем снова обратился к тем, кто сгрудился вокруг него.

– На сборы времени немного, потому что скоро мы выдвигаемся. Да, именно так, Блэр, – кивнул он, повернувшись к девочке из Зеленых, которая не сдержала удивленного возгласа. – Именно это я и хочу слышать. Восторг. Скоро мы сменим обстановку!

– Ты не можешь принимать такие решения, не дав высказаться остальным, – снова вклинилась Сэн. – Не ты решаешь.

– А знаешь что? – спросил Коул. – Думаю, именно это я как раз и сделал. У кого-то проблемы?

В комнате повисла тишина. Дети качали головами, однако на лицах агентов застыло мрачное напряжение. Хотя открыто возразить никто не решился.

– А что будет с теми, кого согнали в лагеря временного содержания? – спросила сенатор Круз, протискиваясь к карте. – Мы просто бросим их на произвол судьбы? Я бы предпочла остаться здесь и...

– Быть пойманной и самой оказаться под судом? – парировал Коул. – Вы сказали, что вели важные переговоры с мировыми лидерами. Так почему же вы не хотите их продолжить, если в итоге это может помочь *всем*? Или вы нам просто соврали?

– Я не лгала, – бросила Анабель в ответ, и ее темные глаза сверкнули. – Но там оказались мои друзья и коллеги. Мы рисковали своей жизнью, пытаясь восстановить справедливость в этой стране.

– Люди узнают о том, что здесь случилось, – пообещал

Коул. – Пленным не придется долго ждать. Я позабочусь об этом, а вы мне поможете.

Разговор постепенно переключился на другие темы. Теперь нужно было обсудить конкретный план действий: как лучше всего разделить, на сколько групп и по каким улицам безопаснее двигаться на север.

– У всех все в порядке? – спросил Коул, окидывая взглядом сбившихся в кучки детей и постепенно перемещающуюся в сторону двери. – У всех достаточно еды? – добавил он, посмотрев на меня.

Раздался хор согласных голосов. Конечно, они лгали. Может, не хотели доставлять еще больше проблем – потому что тогда ему бы снова пришлось отправиться наружу? Даже если бы Коул не обладал таким даром убеждения – а он был из тех, кто мог и кошку уговорить поделиться своей меховой шубкой, он бы все равно завоевал их сердца, просто делая вид, будто ему не все равно.

– Я все еще хочу поучаствовать в турнире по «сумасшедшим восьмеркам»² – добавил парень, ткнув пальцем в одного из мальчишек-Зеленых, когда проходил мимо него. – Я добуду себе эту корону, Шон. Берегись!

Шон только фыркнул в ответ.

– Ну продолжай стараться, старина. Посмотрим, выдержишь ли ты.

² *Сумасшедшие восьмерки* – карточная игра для двух-семи игроков, в которой выигрывает тот, кто быстрее всего избавится от своих карт.

Коул дурашливо изобразил, будто ему выстрелили прямо в сердце.

— Кучка выскочек! Я могу поучить вас кое-чему, как нужно выигрывать...

— Или тому, что обычно называют *жюльничеством*, — ото звался Лиам. Он стоял у окна в компании Толстяка и Вайды, тихо разговаривая с Нико и еще одним Зеленым. Мой взгляд заметался по их рукам, спинам и ногам. *Где же он?*

— Вот поэтому он всегда проигрывает, — вздохнул Коул, подмигнув остальным.

Агенты переместились на другую сторону комнаты, чтобы тоже рассмотреть карту и, подумалось мне, скорректировать собственные планы. Сенатор Круз продолжала что-то им говорить, но они не обращали на нее внимания.

Где же рюкзак? Обогнув толпу детей перед собой, я прошлась взглядом по полу и по темным углам и обнаружила его на плече у Фергюсона. Меня мгновенно обдало жаром. И стало ясно: если я хочу, чтобы материалы с исследованиями снова оказались в моих руках, я заберу их силой. Пусть мне придется *убедить* каждого в этой комнате отдать их мне.

Коул наконец-то добрался до выхода и легко качнул головой. Я выждала еще минуту и только потом вышла следом. Если агенты и заметили наши перемещения, им было не до того. Теперь они располагали всей информацией, чтобы разработать новый план, разве нет?

В коридоре было по-прежнему гораздо холоднее, чем в

комнате. И если до небольшого пяточка у двери дотягивалось тусклое мерцание свечей, то сделав пару шагов я могла разглядеть только то, что находилось прямо у меня под носом. В какой-то момент я пожалела, что не прихватила свой трофейный фонарик. Впрочем, такие разговоры лучше вести в тени. Двигаясь по проходу, я поймала себя на мысли, что это здание, из которого вытащили все, что было возможно, до голого бетона, вдоль которого змеились разноцветные трубы, напоминало гробницу. Даже воздух здесь был таким же застоявшимся.

Отсчитав сто шагов, я решила, что уже подхожу к концу коридора, когда из темноты высунулась чья-то рука, хватая меня и затаскивая в темное, тесное помещение – кладовку? Я толком не успела испугаться, когда дверь со щелчком захлопнулась за мной.

– Итак, Конфетка... – начал Коул. – Суматошная ночь, а?

Я нашла единственный способ не сойти с ума, который кое-как, но все же срабатывал эти две недели. Я попыталась придавить тяжелой крышкой все пугающие вспышки эмоций, не давая им вырваться на поверхность. Но теперь я испытала такое потрясение, что уже не сомневалась, что такой взрыв неизбежно произойдет – это был лишь вопрос времени. Я только хотела, чтобы это случилось не сейчас – и чтобы еще и не разрыдаться вдобавок. Я не могла выдавить ни слова.

– Конфетка... Господи... – Коул положил руку мне на

плечо, поддерживая меня, и щелкнул пальцами другой. На кончиках пальцев вспыхнуло пламя, осветив тесное пространство.

– Я возвращалась обратно... – удалось выговорить мне. – И я подслушала Сэн и остальных... Они не собираются... Мы не собираемся идти на Ранчо. Я заглянула в ее мысли и... Они собираются... Они собираются...

– Давай-ка сначала, – остановил меня Коул. – Помедленнее. Расскажи мне все, что ты услышала. И что ты увидела.

И я повторила все, что услышала – слово в слово. Я рассказала, как они собирались посадить в каждую машину двоих детей, как собирались выждать, пока мы не проедем пару часов, а потом связать пассажиров. Обменять живую плоть на грязные деньги. Потом они планировали купить оружие и заложить взрывчатку – агенты собирались напасть на Грея в недавно восстановленном Вашингтоне, предполагая, что он будет достаточно глуп, чтобы оставаться там.

Коул выглядел потрясенным, но держал эмоции под контролем – Лиаму такое никогда не удавалось. Если бы я не заметила, как его пальцы сжались в кулак, я бы не догадалась, что парень в ярости, пока он не заговорил. Я почувствовала, как по лицу стекает капелька пота. Мне так захотелось открыть дверь и впустить холодный воздух.

– Я с этим разберусь, – проговорил Коул после долгого молчания.

– *Мы* с этим разберемся. Но тебе придется решать, – отве-

тила я. – Прямо сейчас. Ты не можешь больше работать на два фронта, пытаясь усидеть на двух стульях. Решай, с нами ты или с ними.

– Конечно, я с вами, – резко ответил он, оскорбленный тем, что я могла предположить иное. – Ты же знаешь, это касается и меня. Я дал тебе обещание тогда, в Лос-Анджелесе, разве нет? Ты пытаешься выставить меня лжецом?

– Нет, я просто... – Я наконец-то смогла глубоко вдохнуть. – Ты не стал рассказывать остальным, кто ты такой. Даже *Лиаму*. После той ночи ты ни разу не взглянул на те материалы.

– Ну и что? Может, я просто пытаюсь не привлекать внимания к своей личной заинтересованности. Не показывать, что мечтаю избавиться от кое-каких пугающих способностей? – И в качестве демонстрации Коул погасил огонь, а затем снова его зажег. – Если бы я проявил хоть какой-то интерес, другие агенты немедленно захотели бы узнать *почему* или решили бы забрать эти материалы себе просто потому, что они нужны мне. В эту игру я играю не первый год.

– Это не игра, – возразила я. – Теперь результаты исследования нам никто не вернет.

– Я знаю и поэтому принял меры предосторожности. Их зовут Блэр и Сара.

Две Зеленые девочки. С фотографической памятью.

– Ты дал им запомнить материалы.

– Я испытал их. Попросил каждую воспроизвести диа-

грамму и таблицу, и они справились блестяще. Думаю, нужно оставить рюкзак у агентов – это поможет, не вызывая подозрений, проверить наш собственный план.

Выпрямившись, я старательно смотрела поверх его головы – чтобы мне не приходилось одновременно слушать протяжную южную речь и созерцать эту улыбку, подвергаясь стюартовскому фирменному обезоруживающему очарованию.

– У меня есть идея, но я подозреваю, что им она не понравится.

– Пора изложить ее мне.

– А теперь поговорим серьезно, Конфетка. Это должно остаться между нами, ясно? Иначе не сработает. Пообещай мне. Это единственный способ избавиться от них, прежде чем они избавятся от нас.

Коул протянул мне руку, но я не сразу ответила на это рукопожатие. Но потом держала ее достаточно долго, чтобы ощутить, как его естественное, внутреннее тепло согревает воздух вокруг нас.

Однажды Клэнси сказал мне, что у людей с пси-способностями должно существовать некое подобие естественной иерархии: те, кто обладает большей силой, должны руководить остальными просто потому, что нет никого еще более могущественного, чтобы им противостоять. И теперь, удерживая ладонь Коула, я ощутила, что это правда – но по другой причине. Благодаря нашим способностям мы увидели

весь спектр справедливости и несправедливости: нас боялись и ненавидели, а мы боялись и ненавидели самих себя. Никто из нас не просил о том, что получил, мы никогда не пытались сохранить наши силы, а использовали их, только если были вынуждены это делать. И вышло так, что те, у кого были более мощные способности, оказались на передовой, пусть даже это произошло лишь потому, что именно у нас было больше шансов защитить остальных.

Я стиснула руку Коула. И на его лице мелькнуло выражение облегчения и благодарности, после чего оно сменилось на привычную маску невозмутимости и полного пофигизма.

– Ну так что, каков наш следующий шаг? – спросила я. – Как ты собираешься чего-то добиться, если в нашем распоряжении нет тренированных бойцов? Что мы будем делать?

– *Мы* собираемся на Ранчо, – напомнил мне Коул. – *Они* собираются в Штаб. В Канзас вместе с остальными агентами. Им нужно избавиться от нас, но не они получают это чертово Ранчо. Оно *наше*.

– И как ты собираешься с этим справиться? – Я пыталась добиться от него конкретного ответа.

– Конфетка, лучше ты мне ответь: сколько времени тебе понадобится, чтобы убедить их, что Ранчо... ну... в полной разрухе... что там нет ничего полезного? И делать там нечего.

Догадавшись, чего он от меня хочет, я замерла.

– Ты хочешь, чтобы я воздействовала на их сознание. Но

там полтора десятка агентов...

– А у тебя целых три часа до отправления, – ответил Коул и снова потушил пламя. – Так что я бы посоветовал тебе пошевеливаться.

Глава третья

На складе царила суматоха – дела нашлись для всех. Кого-то послали сменить часовых, кто-то паковал запасное снаряжение, которое нам удалось раздобыть, другие, как, например, Лиам и Толстяк, распределяли между группами остатки еды. Не привлекая к себе внимания, я, словно невзначай, оказывалась рядом то с одним агентом, то с другим, незаметно и легко проникая в их головы. Мы с Коулом обсудили, в каком порядке мне следует действовать, чтобы изменение планов показалось наиболее естественным. И получилось, что первой в этом списке оказалась агент Сэн.

Я встала рядом с ней, спиной к спине – женщина изучала карту и вносила какие-то поправки в списки, отмечая, кто с кем поедет. Один раз я уже взламывала ее ум, и поэтому сделать это второй раз было легче, чем вставить ключ в хорошо смазанный замок.

Но с каждым следующим агентом мой темп замедлялся: мне приходилось пробиваться через сцены насилия, тренировок, желаний. Я провела рядом с этими людьми шесть месяцев, но мне понадобилось меньше двух часов, чтобы понять, как росла их ненависть: к Грею, к нам, ко всему, что стояло у них на пути. Их боль потери была так сильна, что превратилась в черную дыру, поглощая их одного за другим.

Покончив с делом, я чувствовала себя как человек, пе-

реживший землетрясение. Но для того, чтобы добраться до конца коридора – туда, где сидел Клэнси Грей, силы еще оставались.

Я пнула его ногой в бок, может, немного сильнее, чем следовало бы.

– Просыпайся.

Клэнси застонал, сонно моргая и щурясь от света моего фонарика, направленного прямо ему в лицо.

– Не имею ни малейшего желания. Если только ты не хочешь развязать мне руки, выдать зеркало с чистой одеждой или продемонстрировать безвременную смерть одного из братьев Стюартов во всех отвратительных подробностях.

Я занесла пятку над его ладонью, вынудив парня перекачаться на спину. Грей зыркнул на меня сквозь темную челку, которая сосульками свисала ему на глаза. Склизкая, омерзительно черная грязь из канализации, по которой он сбежал из Штаба, выцвела, высохла и превратилась в ломкую корку, которая начала осыпаться кусочками, когда он поднял бровь.

– Еды нет? – фыркнул Клэнси. – Пытка лишением пищи и общества – это... примитивный ход.

– Это не пытка, – уточнила я, закатив глаза.

По крайней мере, не в традиционном смысле. Думаю, что Клэнси вовсе не страдал от того, что его держали отдельно от остальных словно в одиночном заключении. Скорее всего, его больше раздражало, что он отрезан от любой информации, довольствуясь разве что обрывками разговоров за сте-

ной. Это был идеальный ад для Клэнси Грея. А еще вонючая одежда, которая кое-где прилипла к его коже.

Помахав перед ним спортивными штанами и футболкой, я бросила их ему в лицо.

– Сейчас я освобожу тебе руки и ноги, дам тряпку и ведро воды, и ты приведешь себя в порядок. Я буду ждать в коридоре и объясню, что ты должен будешь сделать.

Маленьким ножом, который дал мне Коул, я разрезала пластиковые стяжки у него на щиколотках, не обращая внимания на вмятины, оставшиеся на его коже.

– Что происходит? – спросил он, садясь. – Что все это значит?

– Мы уходим.

– Куда? – спросил Клэнси, потирая запястья, которые я тоже освободила. – Я слышал, что в нескольких кварталах отсюда есть старый склад-морозильник. Это был бы некоторый прогресс.

Он начал раздеваться, и я, отвернувшись, швырнула тряпку через плечо куда-то в его сторону. Сосредоточенно глядя в пол, я слушала, как он пытается отмыться.

– Конечно, попросить теплой воды было бы слишком нагло, – проворчал Клэнси. – Даже одеяла не дали...

Вдруг парень замер. Я услышала, как тряпка шлепнулась на плиточный пол и оглянулась, стараясь посмотреть поверх его голых плеч. Клэнси уставился на меня, в его глазах мелькнула догадка.

– Что на самом деле происходит?

– Мы уходим, – повторила я, сражаясь с очередным приступом отвращения.

Парень не получал никакой информации, не получал вообще ничего, кроме той малости, которой тоже не заслуживал. И ограничившись коротким ответом, я сразу почувствовала покалывание где-то в районе затылка, когда он попытался вломиться в мое сознание, будто постучавшись, прежде чем войти. Я отбросила его, представив, как дверь захлопывается у него под носом. От силы этого удара Клэнси вздрогнул.

– Вы собираетесь использовать меня, чтобы торговаться... Вы хотите меня обменять, – сдавленно проговорил он. – Вот почему ты позволила мне привести себя в порядок.

Он почти угадал, только так планировали поступить с нами агенты. И если бы дело обстояло иначе, я бы обязательно намекнула на эту возможность Клэнси – чтобы он помучился. Но все же на такое у меня не хватило духу.

– Ты бы этого хотел, да? Подчинить несколько солдат СПП своей воле, срежиссировать побег...

– Ух ты, а ты по-прежнему *способна* говорить целыми предложениями, а не междометиями, – поддел меня Клэнси, натягивая чистую футболку, а потом штаны. Лицо его было таким же бледным, как и наши, а под глазами залегли черные круги. От постоянного недоедания он осунулся и похудел. – Почему ты все еще на меня злишься? Неужели из-за

того глупого мальчишки.

Мой кулак врезался ему в челюсть, и я не помню, что было дальше. Когда я пришла в себя, чьи-то руки сжимали мои запястья, и я по-прежнему металась, пытаюсь вырваться на свободу.

– Эй,эй! Остынь! – Коул выпустил меня и отпихнул в сторону. – Ты выше этого! Соберись!

Я прижала кулак к груди, пытаюсь вдохнуть. Клэнси по-прежнему закрывал голову руками, когда Коул заставил его подняться, завел запястья ему за спину и снова связал их пластиковой стяжкой. Вместо капюшона он натянул ему на голову старую наволочку и завязал ее, чтобы она точно не свалилась.

А потом Коул молча выставил меня за дверь – его лицо потемнело от гнева.

– Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась. Нам придется ехать несколько часов, и все это время он будет с нами в машине. Если он попытается что-то сделать, именно тебе придется его утихомиривать.

Я пристально смотрела на Клэнси и видела, как он наклонил голову в нашу сторону. А кто сказал, что он не пытается «что-то сделать» прямо сейчас, что-то сделать с Коулом? Ему удавалось контролировать намного больше людей и в худших обстоятельствах, так что сейчас это не потребует от него больших усилий. Мне казалось, что изолировать его от остальных физически будет достаточно. Но что, если это не

так?

– Ну так что, у нас намечается поездка? – обратился Клэнси к нам обоим.

Я изучала лицо Коула – искала на нем признаки того, что он попал под влияние Клэнси, пытаясь подавить страх, который заполнил мою грудь. Но взгляд Стюарта был осмысленным, а не затуманенным и пустым. Более того, он ухмылялся.

– Нет ли какого-нибудь способа его вырубить? – пробормотала я. Так было бы безопаснее. Для всех нас.

– Только если врезать ему как следует. И я бы не хотел рисковать и случайно одарить его черепно-мозговой травмой. – И уже громче Коул добавил: – Он поедет в багажнике. Связанный, с заткнутым ртом, беспомощный. Как раз таким он мне и нравится.

Голова Клэнси мгновенно дернулась в нашу сторону. И если бы я не знала его настолько хорошо, я могла бы поклясться, что в его голосе послышалось отчаяние:

– В этом нет никакой необходимости...

– Ты не поедешь на заднем сиденье, – внес полную ясность Коул. – Это слишком рискованно. Что, если кто-то тебя заметит или ты попытаешься сбежать?

Клэнси презрительно усмехнулся.

– И потеряю шанс уничтожить эти бумаги по «Снегопаду»? Это вряд ли.

Коул бросил на меня быстрый взгляд и улыбнувшись, при-

кусил кончик языка. Показав материалы Зеленым, мы получили неожиданное преимущество: Клэнси понятия не имел, что мы предприняли меры предосторожности и создали своего рода резервную копию исследования.

– Ах, теперь понятно, в чем дело, не правда ли, Конфетка?

Захлопнув за нами дверь, я оттащила Коула от нее подальше.

– Может, брать его с собой – *действительно* плохая идея? Если Клэнси вырвется на свободу на Ранчо, он может все разрушить.

Я крепко охватила себя руками, пытаясь побороть внезапный приступ воспоминаний: о том, как я была глупа, когда считала, будто контролирую Клэнси.

Некоторые люди приходят в мир и живут, не интересуясь тем, что вокруг – они сосредоточены на том, чего хотят *они сами*, что нужно *им*. Ничто другое не имеет для них значения. Они неспособны испытывать сочувствие, сожаление или вину. Некоторые люди являются в мир в обличье монстров. Теперь я это понимала.

– Эй, – тихо сказал Коул. – Думаешь, я сам не хочу его придушить?

– У него тысяча лиц, – предупредила я. – Если он не увидит своей выгоды, сразу выйдет из игры. А почувствует *угрозу*...

– Он тебе даже в подметки не годится, Конфетка.

– Хотела бы я, чтобы это было так, – покачала головой я.

– Давай подумаем: что он сможет предложить, если мы доставим его туда, где он захочет с нами сотрудничать, – предложил Коул. – Ценные данные, понимание, что на уме у его отца, даже его потенциальная ценность для обмена.

– Он слишком непредсказуем.

Даже если мы выдадим Клэнси его отцу, все равно остался шанс, и немалый, на то, что парень сможет сбежать и вызвать *еще больше* разрушений. Может, действительно для всех безопаснее, если он отправится с нами – если только мы сможем за ним уследить?

– Ты опять забываешь, что, в конце концов, мы хотим того же, что и он, – произнес Коул, определенно борясь с искушением закатить глаза. – Все мы хотим, чтобы его отец убрался из президентов.

– Нет, – сказала я, снова оглянувшись на дверь. – Он хочет уничтожить своего отца. Это другое. Единственный вопрос: хочешь ли ты рискнуть и оказаться в числе сопутствующих потерь, когда Клэнси придумает, как это сделать.

Я слишком поздно сообразила, что раз мы снова связали Клэнси руки, кормить его придется мне самой. Парень смотрел на меня яростным взглядом, дергался и плевался, напоминая кота, которому обрезают когти. Все это время мне было ужасно не по себе. В конце концов, для любого человека это довольно неприятный опыт.

Лиам приветствовал мое возвращение в общую комна-

ту сочувственным взглядом и, предложив пакет картофельных чипсов, похлопал по полу рядом с собой. Одни выглядели толком не проснувшимися из-за очень раннего подъема, другие нервно наматывали круги по комнате. Снаружи поднялся ветер, который с воплями бился об углы здания и пробирался через трещины в крыше. Для этого утра такой пугающий аккомпанемент подходил как нельзя лучше.

– Ладно, я буду краток, – начал Коул. – Мы разделимся на группы и распределимся между тремя выходами. Если место, в которое вас направят, покажется вам подозрительным: там будут солдаты или какие-то подозрительные типы, болтающиеся рядом, – что угодно, уходите к другому, ближайшему.

Рядом с ним стояла Сэн, которая едва заметно самодовольно ухмылялась, осматривая детей, которые расселись на полу. Я сама с трудом сдержала улыбку, испытав легкое возбуждение из-за того, что это я все контролирую. *«Скатертью дорога»*, – подумала я.

– Как только услышите, куда вас распределили, – продолжил Коул, – посмотрите на карте, какой у вас маршрут и где можно будет найти машину. Группа А – это я, Руби, Лиам, Вайда, Нико, наш гость и этот, как его там – вон тот в игровой рубашечке.

Лиам возмущенно вскинулся на брата.

Толстяк только пожал плечами.

– Лучше, чем называть меня «бабулей». Или, к вашему

сведению, «толстяком».

– Только без Нико, – вмешалась я. Что, если он снова попадет под влияние Клэнси? А если он снова облажается, я на него снова наброшусь.

Я увидела, как Нико исчез из моего поля зрения, смешавшись с остальными. Лиам крепче сжал мою руку, но я избегала на него смотреть, потому что знала, что увижу в его глазах – разочарование. Он не понимал.

– Отлично, – кивнул Коул. – Нико, ты пойдешь с группой D.

– Гость – это я? – Пока сенатор Круз не заговорила, я и не заметила, что она тоже находится в комнате.

– Вы в группе C. С группой A пойдет наш менее желанный гость.

Должно быть, Коул сообщил Анабель о присутствии Клэнси на складе, потому что ее единственной реакцией было: «О... Я понимаю».

Он еще раз прошелся по деталям каждого маршрута, которым группы направляются на север. Все участники должны были передвигаться по населенным пунктам, что увеличивало расход времени и бензина, но обеспечивало большую безопасность. Когда Коул закончил, на мгновение в комнате повисла тишина, как будто всем нужно было время, чтобы осмыслить его слова.

Коул кивнул мне.

– Пойди заberi его. Как только вы присоединитесь к сво-

ей команде, – продолжал он, пока я шла к двери, – действуйте и, главное, убирайтесь отсюда к черту. Удачи вам и позаботьтесь друг о друге. Увидимся на севере.

Когда я вошла в комнату, Клэнси безуспешно пытался подняться на ноги – руки связаны, наволочка на голове.

– Мы *прямо сейчас* уходим? Который час?

Я ненадолго стянула с него наволочку.

– Хотя один признак того, что ты на кого-то воздействуешь...

– И я труп. Боже, ты такая же занудная, как моя старая няня. Я *понял*, – отрезал Клэнси. Обернувшись, он пихнул меня своими связанными руками. – Это будет выглядеть так же подозрительно, как капюшон. Если что-то случится, мои руки мне понадобятся...

– Ничего не случится, – сказала я, схватила его под локоть и вытолкнула в коридор, но тут же втащила обратно, чтобы нас не затоптали другие группы, устремившиеся к разным выходам из здания.

– Готова?! – крикнул мне Коул в окно, когда я приволокла Клэнси в общую комнату. Анабель Круз по-прежнему стояла там, между двумя агентами, которые за нее отвечали. Увидев Клэнси, она застыла. Он ухмыльнулся, окидывая ее взглядом с головы до ног.

– *Хватит*, – предупредила его я. – Оставь ее в покое, или я вышвырну тебя в окно.

– Окажи *мне* эту честь, – буркнул Лиам, буквально проде-

монстрировав свое намерение.

Потом он оглянулся на Сэн и бросил на меня вопрошительный взгляд, заметив, как та поправляет лямки рюкзака, в котором хранились материалы исследований лекарства.

Я успокаивающе дотронулась до его руки, после чего повернулась и вцепилась в плечо Клэнси, который уже занес ногу над оконной рамой. Но его ботинок за что-то зацепился, и парень упал, покотившись кубарем, и рухнул у пожарного выхода рассерженным мешком.

– Похоже, мне не дадут сохранить достоинство, – прорычал он, выпрямляясь и неловко пытаюсь поправить рубашку связанными руками.

Я перегнулась через лестницу, чтобы посмотреть, где Коул. Он уже был внизу с оружием в руках, напряженно и сосредоточенно осматривая ближайшие окна – это же выражение я так часто видела на лице Лиама. Ветер трепал волосы Коула, надувал куртку, подталкивая меня вперед.

– Из двоих Стюартов, думаю, он – лучший выбор. Симпатичный. Плохой парень. Кажется, как раз в твоем вкусе, – заключил Клэнси, проследив за моим взглядом.

Определенно, он *вообще* ничего не понимал в моем вкусе.

Я заставила себя не оборачиваться, чтобы проверить, где Вайда, Толстяк и Лиам, пока мы все не спустились на улицу и не замерли, прижавшись спинами к стенам склада.

– Заметил что-то? – спросила я Коула.

Он покачал головой.

– Все чисто.

Мы прошли один квартал на восток, потом свернули к реке Лос-Анджелес и железной дороге, которая шла вдоль набережной. Наш выход находился примерно в тринадцати кварталах к северу, но это были темные, тихие и плотно застроенные кварталы. Я оглянулась, ощутив, как по моей спине пробежал холодок тревоги. Но в этой тьме было невозможно что-либо увидеть даже рядом, а уж тем более разглядеть группу детей, которая шла следом за нами. Коул предупредил, чтобы они выждали десять минут и только потом полезли за нами в тот же выход – просто на случай, если что-то пойдет не так. Тогда они успеют убежать.

Повезло им.

Я по-прежнему смотрела вперед и крепко держала Клэнси за руку. Его кожа казалась невыносимо горячей. Утро сжимало город в холодных объятиях, и не было солнца, которое заставило бы их разжаться. Но Клэнси, похоже, совершенно не страдал от холода. Казалось, его сейчас вообще ничто не волновало.

Коул резко вскинул руку вверх, и мы замерли, затаив дыхание. Клэнси с любопытством наклонился через мое плечо, чтобы увидеть, в чем проблема.

– Ах, – сказал он, снова отодвигаясь. – Удачи с этим.

Наш маршрут проходил под эстакадой шоссе 101, которое тянулось дальше через реку и близлежащие железнодорожные пути. Из увиденного в воспоминаниях рядовой Мора-

лес я знала, что дальше пути заблокированы перевернутыми грузовыми вагонами, а рядом с ними расставлены прожектора. На шоссе должны были стоять два военных джипа – и еще больше прожекторов. Все действительно так и было. Мы осторожно и бесшумно приближались к автомобилям, не заметив ничего подозрительного, пока первые три силуэта не показались на краю насыпи, по которой проходило шоссе. Они держали руки у глаз, будто смотрели в бинокль.

Коул бросился животом на пути. Я заставила Клэнси опуститься на землю вместе со мной.

– Что такое... – завокнулся Толстяк, но Вайда вовремя зажала ему рот.

Черт, черт, черт, черт. Страх волной пробежал по моему телу. Как я могла так ошибиться?

Нас по-прежнему окружала непроглядная тьма, но мы уже вошли в нечеткий круг света, который отбрасывали прожектора. Коул негромко выругался, обернулся и жестом велел нам двигаться назад. Вайда вытащила пистолет и поползла обратно. Толстяка она тащила за собой, вцепившись другой рукой в его рубашку.

Ветер охлаждал кожу, забираясь сзади под куртку. Слева от нас виднелись листы какого-то металла вроде жести, дребезжащие так, будто вот-вот взорвутся. *«Медленно, – приказала я себе. – Не паникуй. Двигайся медленно».* Резкие движения или громкие звуки только привлекут внимание солдат...

Что-то хрустнуло, будто сломанная кость – от сильного

порыва ветра целая секция металлической обшивки отвалилась и летела прямо на нас. Я присела, прикрыв голову свободной рукой и высчитывая в уме, хватит ли нам времени, чтобы убежать, когда лист врежется в рельсы и с грохотом пронесется по их поверхности.

Но вот прозвучал один оглушительный удар сердца... другой... третий... тишину нарушали только гул ветра и мое собственное тяжелое дыхание. Я подняла голову, поймала потрясенный взгляд Коула, тут же сменившийся облегчением, и резко повернулась, чтобы увидеть, что произошло.

Лиам протянул руку в направлении огромного металлического листа. Он застыл там, где врезался в землю в первый, самый опасный, раз, и все еще был наклонен в нашу сторону. Ржавый кусок металла стоял, подрагивая, как напряженная мышца, но все-таки неподвижно. Сосредоточенное лицо Лиама было каменным. Я видела, как с помощью своих способностей он поднимал вещи и потяжелее, но сейчас против него были сила ветра и внезапность.

Толстяк дернулся в его сторону, но Лиам тихо проговорил:

– Я поймал.

Коул резко махнул рукой, чтобы привлечь мое внимание, и показал в сторону шоссе. Силуэты солдат снова пришли в движение. Проекторы, светившие в нашу сторону, погасли, и тут же к двум военным джипам, стоявшим на той стороне, подъехал еще один. В следующую секунду я догадалась, что

происходит на самом деле.

Они здесь, чтобы сменить машины и лампы в прожекторах. Это не патруль, не дозорные.

Заурчал двигатель одного из военных джипов, и автомобиль, сделав широкую дугу, развернулся на пустом шоссе и устремился на запад. Я следила за тем, как удаляются его задние огни, а потом снова, прищурившись, всмотрелась в ту сторону, где стояли прожекторы. Ни малейшего движения. Ушли.

Коул пришел к тому же выводу. Он медленно встал на четвереньки, потом выпрямился во весь рост и кивком разрешил подняться и нам. Лиам напряженно закричал, с помощью своих способностей он поднял металлическую панель и отправил ее через наши головы в сторону сухого цементного дна, по которому раньше протекала река. Он позволил брату помочь ему подняться, но потом отпихнул его руку.

– Для того, кто был никудышным спортсменом, у тебя неожиданно хорошая реакция, – поддел его Коул.

– Видимо, на твоём неизвестном мне языке это означает «спасибо», – произнес Лиам, стиснув зубы. – Мы можем двигаться?

Коул еще секунду смотрел на него с непроницаемым выражением лица.

– Все в порядке. Пошли.

Когда мы наконец-то дошли до Глендейла, солнце уже

поднялось высоко, и тени больше не скрывали нас. Хотя мы уже вышли за пределы периметра, контролируемого военными, район все же оказался к нему достаточно близко и не избежал общей эвакуации. Правда, было неясно, организовали ли ее власти либо спровоцировала общая паника. Так или иначе, но вокруг нас не было ни души. Коул отправился на разведку по близлежащим улицам – просто на всякий случай, но тут я ощутила то самое чувство, неестественное покалывание по всей коже, которое не давала мне расслабиться. Я еще раз осмотрелась, окидывая внимательным взглядом каждый закоулок, крыши зданий вокруг, даже разрушенные высотки Лос-Анджелеса на горизонте, чтобы понять, откуда исходит это ощущение. Сначала это было лишь клубящееся облако беспокойства, но постепенно оно усиливалось, становилось острее и четче. Я боялась, что обнаружу причину только в тот момент, когда она уже обрушится на наши головы, как дождь из острых лезвий.

Ливень, который прошел несколько дней назад, смыл пыль и сажу, которая теперь скопилась в застоявшихся лужах. Я покачала головой. Все это казалось... странным. На зданиях не было видно никаких внешних повреждений, и они были светло-серыми, а не угрожающе-черными, как в центре города. Я встала на бетонный блок, обозначавший парковочное место, и, прищурившись, поглядела на здание – запертый бакалейный магазин.

– Вон там, – сказал Коул, показывая в сторону небольшого

торгового центра. – За ним большая парковка. Там, где горят фонари.

– Слава богу, – выдохнул Толстяк, когда мы направились в сторону освещенной парковки. Он с таким видом смотрел на фонари, будто никогда не видел их раньше.

Лиам уже подошел к ближайшему темно-синему седану и вытащил из черного рюкзака, который висел у него на плече, проволочную вешалку. Он вскрыл замок так быстро, что Коул понял это, когда Лиам уже сидел, скрючившись, на водительском сиденье и вытаскивал провода из-под приборной панели, чтобы пробудить к жизни двигатель, замкнув их напрямую.

– Как?! – воскликнул Толстяк. – Минивэна не будет?

– Стой-стой-стой... – пробормотал Коул, когда двигатель наконец с шумом заработал. Он выпихнул Лиаму из машины и заглушил мотор. – И кто же тебя этому научил?

– А ты как думаешь? – резко ответил Лиам, вырвав свою руку из хватки брата.

– Гарри? – Коул недоверчиво усмехнулся. – Научил впечатлительного юношу воровать машины? Разве за это не лишают нимба?

Лиам ответил ему взглядом, которым можно было бы обдирать краску с седана.

– Ты закончил?

– Нет, я просто... – Кажется, Коул задел брата за живое, даже не догадываясь об этом. – Гарри. Гарри Стюарт, Вожак

Бойскаутов, научил тебя. Почему?

– Потому что он верил, что я не стану использовать это во зло, – с горькой улыбкой откликнулся Лиам. – А что, ты не усвоил урок?

Взгляд, которым ему ответил Коул, мог заморозить огонь. Пальцы его правой руки слегка сжались, прежде чем парень спрятал ее в задний карман штанов.

– Да. У Стюартов даже семейные драмы такие скучные, – буркнул Клэнси. – Я думал, мы торопимся.

– Верно. – Я повернулась к Лиаму. – В этой машине есть бензин?

Он кивнул.

– Думаю, хватит, чтобы проехать сотню миль.

– Супер, – кивнул Коул. – Но эту мы брать не будем. Вон там стоит бежевый внедорожник, который смотрит прямо на тебя.

Лиам повернулся и взглянув на машину, покачал головой.

– Он жрет много бензина. Они неустойчивые и чаще попадают в аварии...

Коул заставил его замолчать, похлопав брата по руке с таким снисходительным видом, чем разозлил и меня тоже.

– А ты планируешь попадать в аварии? Тогда ради бога заткнись и делай то, что я тебе говорю...

– Это не тебе решать.

– Да именно что мне! Этоя здесь за все отвечаю, нравится тебе это или нет. Именно я знаю, как действовать в полевых

условиях. Именно я собираюсь вытащить нас отсюда. И потому я приказываю тебе взять внедорожник на случай, если нам придется съехать с дороги.

Лиам двинулся на него.

– Если нам придется съехать с дороги, проблемы будут у нас в любом случае. Я лучше возьму машину, которая не будет пожирать бензин.

Он посмотрел в мою сторону, наклонив голову в молчаливой просьбе о поддержке. Я прикусила губу и покачала головой. Не в этой битве. Оно того не стоит. А Коул уже выбрал еще один красный пикап, и ничто не могло заставить его изменить решение.

Несколько месяцев назад, когда мы вчетвером пробирались в минивэне по окольным дорогам, сливая бензин из других машин, как стервятники, отрывающие от костей последние высохшие куски мяса, мы следовали двум простым правилам: двигайся быстро, оставайся незамеченным. Хорошо это или плохо, но большинство наших решений были реакцией на уровне инстинктов. Пусть не все наши решения оказались верными, но это был единственный известный нам способ жить и выживать. Всем нам, отверженным уродцам, приходилось довольствоваться этим, чтобы не попасть в лагерь или оторваться от слежки. И, глядя сейчас на раздраженного Коула, я как никогда четко поняла, что он почти ничего не знал о том, как жил его брат, когда отказался участвовать в тренировочной программе Лиги. Да, он был одним

из нас, но его никогда не заставляли приспособливаться к нашей реальности, хотя он знал и видел, как жестоко обращались с детьми в программе пси-исследований «Леды».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.